

**СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ**



Кит Р. А. ДеКандидо

# СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ

NEVERMORE  
НИКОГДА



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84 (7Сое)-44  
Д28

Keith R. A. DeCandido  
SUPERNATURAL  
Nevermore

Дизайн обложки *Яны Паламарчук*

**ДеКандидо, Кит Р. А.**  
Д28 Сверхъестественное. Nevermore. Никогда : роман / Кит Р. А. ДеКандидо; пер. с англ. О. Медведь. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 288 с. — (Сверхъестественное)

ISBN 978-5-17-101780-4

Двадцать два года назад Сэм и Дин Винчестеры потеряли мать, которую погубила таинственная злая сила. Когда они выросли, отец рассказал им о демонах, который таятся во тьме и бродят по проселочным дорогам Америки. А еще он рассказал им о том, как с ними бороться...

...Сэм и Дин отправляются в Нью-Йорк, чтобы помочь местному рокеру, чей дом осаждают призраки. Но не успели они выяснить, чего хочет разбушевавшееся привидение, похожее на рокершу 1980-х годов, как их внимание привлекает произошедшее в том же районе жестокое убийство двух студентов. Это преступление, слишком необычное даже для Нью-Йорка, становится последним звеном в цепочке сверхъестественных событий, уходящих корнями в жуткие истории, рассказанные легендарным Эдгаром Алланом По.

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-101780-4

ТИТА 1011

Copyright © 2017 by Warner Bros. Entertainment Inc.  
SUPERNATURAL™ & © Warner Bros. Entertainment Inc.

© О. Медведь, перевод на русский язык  
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящается великому Скотту Муни —  
в благодарность за музыку, которую я слушал  
большую часть детства

Джону, Джеку, Рэю, Дугу, Кэти, Дженис,  
Арлин, Кевину  
и другим свихнувшимся на *газете* —  
на любительской газете  
Фордемского университета.  
Вы подарили мне первый серьезный  
издательский опыт...

Эдгару Аллану По,  
который прожил сложную жизнь,  
но его революционные труды будут жить вечно...

И Бронксу, месту, где я родился и живу,  
месту, где я вырос, получил образование  
и которое до сих пор остается самым большим  
секретом Нью-Йорка.  
Так держать!

Я слышал все, что происходит на небе и на земле.  
Я слышал многое, что происходит в аду.  
*Эдгар Аллан По, «Сердце-обличитель»*

## Примечание историка

Действие происходит между двумя эпизодами 2-го сезона сериала «Сверхъестественное»: «Блюз на перекрестке» и «Кроатон».



*Фордемский университет, Бронкс, Нью-Йорк  
12 ноября 2006 года, воскресенье*

Холодный ноябрьский ветер растрепал волосы Джона Сэдера — видимо, в отсутствие родной матери сама мать-природа напоминала ему о том, что пора подстричься. Эмили Сэдер вернулась в Огайо, где было безопаснее и на десять градусов холоднее, чем здесь, в Бронксе. Если бы она увидела лохматые каштановые волосы сына, то, как всегда, поцокала бы языком и предложила бы позвонить парикмахеру — записаться на стрижку.

Джон мог бы назвать тысячу причин, почему ему нравилось учиться в Фордемском университете, но первой в списке стояло расстояние, отделявшее его от матери.

После длинного рабочего дня в типографии, находившейся на нижнем этаже Центра Мак-Гинли, они вместе с соседом по комнате, Кевином Байером, возвращались в квартиру, которую снимали за пределами кампуса. Оба были редакторами в любительской фордемской газе-

те, выходявшей дважды в неделю, и большую часть этого дня занимались подготовкой очередного номера к печати. Файлы ушли в типографию, и газета выйдет утром во вторник. Очень важно было опередить «Рэм», скучную официальную студенческую газету — ведь декан предоставил им эксклюзивный материал.

Они быстро шагали через кампус, направляясь к тому выходу на Белмонт-авеню, который находился возле корпуса Мемориал-холл. Оттуда оставалось всего несколько кварталов до их крошечной, обшарпанной, захлавленной, но безумно дешевой квартирki на Камбреленг-авеню.

Когда они вышли из кампуса, Джон откинул волосы со лба и сказал:

— Давай-ка поднажмем! Хочу поскорее попасть домой и переодеться к вечеринке.

— Какой вечеринке?

— У Эми, забыл?

Кевин поморщился.

— Чувак, у меня завтра лекция в половине девятого, я не могу.

— Забей, — пожал плечами Джон.

— Не вариант. Доктор Мендес надерет мне задницу. Seriously, она проводит *перекличку*. Я и так из-за работы уже три занятия пропустил. И просто не могу пропустить еще одно.

На перекрестке Белмонт-авеню и Фордем-роуд пришлось подождать, пока загорится зеленый — движение даже в этот поздний воскресный час было оживленным, на красный не перебежишь. До последнего курса Джон жил в кампусе, таком зеленом оазисе академических знаний в самом центре одного из крупнейших



городов мира. Ладно, не в центре — Бронкс расположен на самом севере Нью-Йорка, чуть выше Манхэттена и Квинса, и только эта часть города находится на материке. До того, как Джон впервые приехал в университет — он тогда был еще старшеклассником, — в его голове между Нью-Йорком и Манхэттеном стоял знак равенства. Он и понятия не имел о существовании других районов и был счастлив оказаться в одном из них, который сам по себе был куда интереснее, чем Кливленд, штат Огайо, целиком. Хотя резкая смена декораций до сих пор вызывала у него нечто вроде головокружения.

Территория университета была сплошь покрыта зеленью — газонами и деревьями — и застроена зданиями, старыми и новыми. Одни относились к девятнадцатому веку, когда университет был основан, другие появились тут в конце двадцатого века — и все это вместе создавало ощущение, что ты попал в один из сонных городков Новой Англии.

Но стоило выйти за кованые ворота, как на тебя обрушивался рев машин и автобусов, несущихся по Фордем-роуд — или ползущих, если это час пик, — шум заправок, забегаловок с фаст-фудом, автомастерских и... людей. В этом районе жили в основном итальянцы, прибывшие сюда в начале двадцатого века, латиноамериканцы, прибывшие в шестидесятых годах, и албанцы, прибывшие в восьмидесятых. Чуть дальше по улице в одну сторону можно было увидеть универмаг «Сирс», торговый центр «Фордем-плаза» и станцию Фордем Северной пригородной железной дороги, в другую — здание Департамента

автомобильного транспорта, зоопарк и ботанический сад. «Маленькая Италия» с ее гастрономами, винными магазинами, ресторанами, пекарнями, магазинами макаронных изделий и уличными ярмарками процветала. Джон в этом семестре набрал два килограмма, просто переехав поближе к любимым канноли<sup>1</sup>.

Но, разумеется, поздним воскресным вечером прохожих на улице почти не было, только машины пронеслись мимо. Загорелся зеленый, Кевин и Джон побежали через дорогу, но едва добрались до середины, как снова замигала красная рука, приказывающая остановиться.

— Зачем ты вообще записался на утреннее занятие в понедельник? — спросил Джон. — Ты же знал, что почти каждое воскресенье будешь работать допоздна.

— По средневековой литературе я мог взять только этот курс. Или пришлось бы брать сразу два семестра по Шекспиру. В следующем полугодии я запишусь на вторую часть большого курса.

Они свернули на Фордем-роуд, чтобы попасть на Камбреленг-авеню.

— А почему ты вообще не перенес средневековую литературу на следующий семестр?

— Доктор Мендес будет в отпуске, и заменять ее будет отец О'Салливан.

Джон, который учился на историка и ничего

---

<sup>1</sup> Канноли (конноли) — традиционный сицилийский десерт, вафельная хрустящая трубочка с начинкой из сыра маскарпоне, взбитого творога или рикотты с добавлением различных сиропов.

не знал об английской кафедре, почесал подбородок — пора было бриться; будь мама здесь, она бы уже вынесла ему мозг — и сказал:

— И что?

Кевин выпучил глаза.

— Да отец О’Салливан преподает тут со времен мрачного средневековья!

— Средневековья.

— А?

— Просто средневековье. Не мрачное, — возразил Джон. — Этот период больше так не называют. Его называют..

— Чувак, в Древнем Риме в домах была канализация. А вот в Священной Римской империи<sup>1</sup> люди мочились из окон. Так что это было *мрачное* средневековье.

Джон стиснул зубы и уже собирался ответить, но Кевин вернулся на один виток назад:

— Богом клянусь, отец О’Салливан получил эту должность в 1946 году!

Они свернули на Камбреленг-авеню.

— Чувак, мой отец родился в сорок шестом, — ответил Кевин.

— Вот и я о том же! Он чертово ископаемое. Ни за что не буду ходить к нему на лекции.

— Как скажешь. — Джона это не очень волновало. — Но на вечеринку ты должен пойти.

— Ну уж нет! Хочу сохранить остатки красоты.

Джон усмехнулся.

— На том свете отоспишься.

---

<sup>1</sup> Священная Римская империя — государство, существовавшее в период с 962 по 1806 год.

— Да иди ты, чувак!

Еще один порыв ветра, и Джону снова пришлось убирать волосы с лица. Чем дальше они уходили от Фордем-роуд, тем становилось тише — на Камбреленг-авеню были только жилые дома, в основном трехэтажные таунхаусы из красного кирпича с номерами на фасадах, стоявшие в глубине улицы и отделенные от тротуара невысокой железной оградой. Кроме таунхаусов тут были еще многоквартирные пятиэтажки. Выше пяти этажей зданий почти не встречалось, потому что согласно городским законам в таких домах требовалась установка лифта. В большинстве окон свет не горел, и, кроме Джона и Кевина, на улице никого не было.

— Ну а я пойду, — заявил Джон. — Мне-то хватило ума составить нормальное расписание! В понедельник у меня первая лекция только в половине первого. А значит, можно веселиться!

Кевин хмыкнул.

— Чувак, Бритт не бросит Джека ради тебя.

Джон напрягся. Подкатить к Бритт было его основной целью на вечеринке, но он не собирался обсуждать это с соседом и поэтому с деланным безразличием спросил:

— А что, Бритт там будет?

— Даже не пытайся. Ты врешь так же умело, как я катаюсь на сноуборде.

— Но ты не катаешься на сноуборде.

— Вот и я о том же.

Джон едва не ответил: «Как скажешь», но он уже это говорил, а повторяться ему не хотелось. Кевин, может, и был в восторге от этой дурацкой фразы «Вот и я о том же», которую он

употреблял все чертово время, но Джону нравилось быть вербально разнообразным. Редактируя статьи, он в первую очередь убирал именно повторы. Интерес собеседника можно поддерживать, только если говоришь разное, а не используешь одни и те же избитые выражения. Вот почему он не любил всех этих стендап-юмористов. Они придумывают одну коронную фразу, которая становится популярной и все только ее и ждут. А дальше комики не придумывают новые шутки, а просто эксплуатируют удачную фразу в каждом выступлении. И никакое это не развлечение, а подгонка под стандарт.

— Это что еще за хрень?

Кевин на что-то указывал, и Джон, проследив взглядом за его пальцем, увидел перед одним из таунхаусов мусорные баки. И, кажется, в них кто-то рылся.

К сожалению, это не было таким уж необычным зрелищем. В округе было полно бездомных, и они постоянно рылись в урнах, разыскивая банки и бутылки, которые они потом обменивали на продукты в супермаркете.

Но тут фигура подняла голову, и Джон увидел, что это не бездомный. Они оба замерли на месте, когда поняли, что это... обезьяна.

— Бабуин! — воскликнул Джон.

— Чувак, это орангутанг.

Джон нахмурился.

— Ты уверен?

— Однозначно.

Бабуин, орангутанг, или что там это было, посмотрел на них, открыл рот и *зашипел*.

Джон и Кевин одновременно сделали шаг назад.

— Чувак, разве орангутанги шипят? — прошептал Джон.

— Нет. И бабуины тоже нет... А почему мы говорим шепотом?

Джон не успел ответить. Это существо — черт, он будет называть его обезьяной, пока не выяснит, кто это, — схватило мусорный бак и швырнуло на дорогу. Крышки на нем не было, и по дороге разлетелась тухлая еда, пустые упаковки и прочая дребедень.

— У тебя телефон с собой? — спросил Джон. Кевин кивнул.

— Это хорошо, у моего сдохла батарея.

— И куда, черт возьми, я должен звонить? В бюро находок?

Не отрывая взгляда от обезьяны, Джон ответил:

— Нет, тупица, в 911. Звони, пока...

Обезьяна вдруг бросилась на них, визжа так, будто взбесилась. Джон хотел повернуться и побежать, но ноги словно приросли к земле. Но вскоре это уже было неважно, потому что обезьяна могла бы соревноваться с самим Джесси Оуэнсом<sup>1</sup>. Она настигла их уже через секунду.

Джон никогда не кричал. Его крик напоминал девчоночий и по закону подлости после ломки голоса стал *еще писклявее*. Поэтому, как бы сильно

---

<sup>1</sup> Джеймс Кливленд (Джесси) Оуэнс — знаменитый американский легкоатлет, занимавшийся спринтерским бегом и прыжками в длину, четырехкратный олимпийский чемпион и мировой рекордсмен.

ему ни хотелось закричать, он всегда держал рот закрытым, и тогда получалось что-то похожее на гудение. Он считал, что это звучит мужественнее.

Но сейчас, когда обезумевшая обезьяна с дикими воплями набросилась на них и стала лупить своими большими лапами, он завизжал как девчонка.

Последний раз он чувствовал себя так в старшей школе, когда ввязался в ту дурацкую драку с Гарри Маркумом, когда они поспорили, кто пойдет с Джинни Уэйт на выпускной. Самое смешное, что Джинни, конечно же, пошла с лужером Морти Йоханнсенем, поэтому фингал и разбитую губу он получил просто так. Кулаки обезьяны молотили по ним, и больно было везде.

Один удар пришелся Джону в висок, и он увидел звездочки, хотя раньше думал, что так бывает лишь в мультфильмах.

Только почувствовав щекой холодный асфальт, Джон понял, что обезьяна больше его не бьет. Но он по-прежнему слышал крики.

Перевернувшись на бок — и почувствовав острую боль, — он увидел, что обезьяна подняла Кевина и швырнула об забор перед одним из таунхаусов.

Затем он услышал треск.

Он не хотел этому верить. Сначала даже не мог. Этот звук не был похож на хруст ветки, не был похож на треск ломающегося пластика, не был...

Ничего подобного Джон Сэдер никогда в жизни не слышал. И поэтому знал, что Кевин мертв.

— Кевин! Нет!